АЛЬФРЕД ХАБДАНК СКАРБЕК КОРЖИБСКИ

Биографический очерк

(Перевод Григорий Марков, 2019 г.
https://vk.com/clubalfredgs)

Мир, в котором Альфред Коржибски родился 3 июля 1879 года в Варшаве, Польша, волновался под тяжестью притеснений и последствий новых взглядов. Повторные разделы Польши австрийцами, пруссаками и русскими только усилили националистические чувства поляков, а в Варшаве они страдали под властью царя Александра II; Император Франц Иосиф в Вене правил своей Габсбургской империей; философия Канта, Фихте и Гегеля проникла в ткань немецкой жизни и сильно повлияла на западные культуры; уволенные Марксом и Энгельсом рабочие мятежно, тайно объединялись; только двадцать лет назад «Происхождение видов» Дарвина вызвало бурную полемику в Англии; и в науке была лихорадочная деятельность, поскольку революционно новая эра, возглавляемая Фарадеем, Бунзеном, Максвеллом и т. д., открывала новые горизонты и закладывала основы для еще больших открытий.

Альфред Владиславович Хабданк Скарбек Коржибски был сыном (дворянина) Ладисласа Коржибского и (графини) Елены Ржевушки. Его отец был поклонником британских обычаев, отсюда и название «Альфред». Хабданки, или Скарбеки, семья его отца, были одним из оригинальных польских *комитов* (от латинского *comes*: надзиратель, учитель ... ученый, знатная молодежь и т. д. ... кто-либо из императорского двора). Легенда о происхождении этой фамилии восходит к четырем векам, когда возникла проблема войны или мира между немецким и польским принцами. Один из его предков был послан в качестве посланника к немецкому князю, который высокомерно отвел его в подполье и, показывая ему золотое хранилище, сказал: «Этим мы вас победим». Посланник ответил, сняв кольцо с пальца, бросив его в бочку с золотом и сказав: «Иди золото к золоту, мы тебя побьем железом!» Немецкий принц был поражен и сказал «спасибо» (*хабе данк*). Когда польский посланник вернулся в Польшу, и этот жест стал известен, ему дали имя «Скарбек» («скарб», «сокровище») с гербом «Хабданк», сплющенным стволом. Последовала война, и поляки победили.

Фамилия Коржибски происходит от названия поместья Коржибие, суффикс «ски» сопоставим с «ов» или французским «де».

Альфред Коржибски был вторым ребенком в семье, и ясли уже были созданы для его сестры, примерно на два года старше. В детстве он был необычайно тихим. «Мои друзья никогда не поверят мне сегодня, но я родился тихим», – говорил он. Я не плакал; Я просто смотрел вокруг. Для половины каждого дня была гувернантка из Франции, для другой половины – гувернантка из Германии. Изучение этих двух языков, помимо русского, использовалось во всех общественных местах, а польский, на котором говорили дома, был важен для него в его дальнейшей работе. Других детей в семье не было, и по сложившейся традиции сын садовника был выбран в качестве приятеля. У Альфреда не было игрушек, кроме инструментов или кусочков материала, которые он нашел и превратил в игрушки. Он наблюдал за кузнецами, лошадьми, скотом и рабочими в семейном загородном поместье Коржибие под Варшавой. Он сопровождал свою мать, когда она ездила в европейские бани – Карлсбад, Франценбад и т. д. Когда ему было пять лет, его отец, инженер в звании генерала в Министерстве связи и любитель математики и физики, дал ему *ощущение* дифференциального исчисления, последних научных открытий и т. д., а также математический образ мышления, мировоззрения, которое так глубоко повлияло на его жизнь.

Коржибие считалось образцовой фермой, в которую министерство сельского хозяйства США направило представителей для изучения. Его отец разработал новые методы ведения сельского хозяйства, контурной пахоты, ирригационных систем и т. д. и написал книгу «Мелиорация сельского

хозяйства». Эта часть Польши («равнина») была сельскохозяйственно недостаточна из-за холодной глины. Налог, наложенный российским правительством на землевладельческую аристократию, уплачиваемый в этом случае картофельным спиртом, был таков, что имением нужно было тщательно и скупо управлять – каждая картошка имела значение, каждая свинья или шкура коровы. С его отцом часто при дворе в Санкт-Петербурге (ныне Ленинград) или в путешествии, молодой Альфред должен был взять на себя обязанности по надзору за сельскохозяйственной деятельностью. Крестьяне любили «маленького хозяина» (некоторые звали его «золотые руки»). Он, в свою очередь, присматривал за ними, советовал им, был их «доктором», когда в течение многих часов не было медицинской помощи и т. д.

Во время сбора урожая солдаты из кочевых племен, казаков и т. д., а также из различных областей царской России были наняты, чтобы помочь, и в своей школьной форме он научился обращаться с ними под строгой дисциплиной, получая также некоторое представление о психологии социо-культурных различий.

Во время посещения школы он редко изучал свою домашнюю работу, но сидел в первом ряду, внимательно слушая, что сказал учитель, пытаясь понять предмет в целом. По настоянию отца он получил образование инженера-химика в Политехническом Институте в Варшаве. Но в частном порядке он проявил интерес к юриспруденции, математике и физике, а затем обнаружил, что слишком поздно, что он не может поступить в университет, чтобы продолжить карьеру в таких областях, потому что его предыдущий учебный план в средней школе не включал предпосылки греческого языка, латинского и т. д. Это было сильным разочарованием и досадой для него. В то же время он постоянно читал предметы своих особых интересов, в том числе философии времени и истории, истории культур и науки, сравнительных религий, литературу Польши, России, Франции, Германии и т. д. их соответствующие языки. Одно время он преподавал математику, физику, французский и немецкий языки в «гимназии» в Варшаве.

Путешествуя как ученый-эклектик в Германии и Италии, он провел большую часть этого времени в Риме и его университете. Он подружился с некоторыми из кардиналов и других, связанных с Ватиканом во времена Папы Римского Льва XIII. Именно там, в его ранних двадцатых годах, до кардиналов и генерала иезуитов, он произнес свою первую и единственную речь перед тем, как приехать в эту страну – об «Отношениях польской молодежи к духовенству и духовенства к польской молодежи».

В течение этих лет учебы, управляя поместьем и жилым домом, принадлежавшим его семье в Варшаве, он изучал окружающую его жизнь, постоянно пытаясь понять, что он видел, чувствовал или читал. Он был вооружен аналитической позицией, которую его отец передал ему в своих объяснениях научных открытиях. Он наблюдал за мужчинами, женщинами и детьми, куда бы он ни шел; он учился на тренировках и уходе за своими любимыми лошадьми и своего английского бульдога Тафта, названного в честь президента Уильяма Говарда Тафта.

Во время путешествия он ехал в третьем классе и ел свой черный хлеб и чеснок вместе с рабочими и другими людьми, которых он окружал. Когда он приехал в странный город, он нашел недорогую комнату, достал карту и изучил ее. Затем он долго катался по городу, бродил по трущобам, ел свои бутерброды в аристократических кафе (потому что у него было мало денег), и изучал, как живут разные люди.

В то же время он с радостью участвовал в веселых и озорных отношениях со своими одноклассниками и друзьями, энергично размахивая дамам, пока он крутился в вальсах, боролся, катался на лошадях, плавал, пел свои любимые оперные арии в своем резонансном басе. В Риме, где он стал участвовать в римских делах итальянского двора, он искусно фехтовал в поединках и был назван «Маладетто Полакко» («проклятый поляк»). Как правило, он был «жизнью вечеринок», но в частном порядке он в основном интересовался чтением и учебой в свободное время. В своих

бедах его друзья приходили к нему за советом, в их нужде в совете крестьяне обращались за его помощью, дома он был посредником для прислуги.

Когда он вернулся из Рима, он был потрясен осознанием того, что его бывший товарищ по играм, сын садовника, как и все другие крестьяне, не умели ни читать, ни писать, но их труд на протяжении многих поколений заработал деньги на образование и свободу путешествия их помещиков. Он нашел освобождение в своей реакции против этой несправедливости, построив небольшую школу для крестьян в усадьбе. Однако было против царского закона воспитывать крестьян, которых сознательно неграмотно держали. Он был приговорен к Сибири, но его отцу удалось отложить наказание.

Судя по фотографиям и его собственным описаниям тех дней, он казался довольно худым, широкоплечим и мускулистым, среднего роста, с голубыми, настороженными, созерцательными глазами, его волосы были очень светлыми, и временами у него росли усы, которые он обычно закручивал на концах.

В начале Первой мировой войны, когда Коржибскому было 35 лет, он вызвался на службу во 2-ю русскую армию и был назначен в специальный кавалерийский отряд разведывательного управления Генерального Штаба. Он стал главным помощником полковника Терехова, который в свою очередь был близок к великому князю Николаю, императорскому командующему. Эта вторая армия была ключевой армией Восточного фронта. Она сражалась (и проиграла) в битвах за Варшаву и Лодзь и была практически уничтожена, когда была принесен в жертву во время нападения на немцев у Мазурских озер Восточной Пруссии, чтобы отвлечь немецкие дивизии от захвата Парижа. Коржибский был представителем Второго Армейского Разведывательного Управления на полях сражений, занимаясь генералами около полудюжины российских армий, занимался шпионажем и контршпионажем, предсказывал немецкие движения, брал интервью у заключенных и т. д. Под тяжестью его лошади, которая была застрелена и упала на него, левое бедро было сильно вывихнуто; в другое время он был ранен в колено и, опять же, в панике битвы при Лодзи, когда пушка мешала отступлению, он сам очистил ее от грязи и перенес длительные внутренние повреждения.

Погруженный в страдания на фронтах, в глубине дома со смертью и болью, созерцая тысячи лет таких постоянно повторяющихся конфликтов и сопровождающих их человеческих трагедий, его вопрос стал сосредоточен на: «Почему? Что случилось? Как это можно предотвратить?» У него не было ответа.

В июле 1915 года ему было приказано «Уволить военного министра» и отправиться в Петроград, где он был назначен в личную охрану тяжелой артиллерии. В декабре 1915 года он был отправлен в Канаду и Соединенные Штаты в качестве артиллерийского эксперта русской армии. Его должность: инспектор комиссии по приему приказов артиллерийского отдела. «Я ничего не знал об артиллерии, кроме как со стороны получателя», - говорил он. Но на полигоне в лагере Петавава в канадских лесах он проводил свободное время до поздней ночи, осваивая технические особенности своего задания, и из газет впервые изучал английский язык.

Когда этот испытательный полигон был распущен, в феврале 1917 года он отправился в Нью-Йорк, где руководил погрузкой боеприпасов в гавань Нью-Йорка. Затем он стал главным инспектором фабрики подков в Эри, штат Пенсильвания, где он реорганизовал ее руководство, чтобы добиться большей эффективности и скорости производства.

С развалом русской армии и революции в 1917 году ему было приказано вернуться в Россию. Однако он предпочел, как и многие другие поляки, присоединиться к формирующейся здесь французско-польской армии, чтобы продолжить войну с союзниками. Он был назначен секретарем французско-польской военной комиссии, а затем и сотрудником по набору персонала

в штатах Огайо, Пенсильвания и Западной Вирджинии. Имея мало времени, чтоб спать и есть, едва обладая достаточными армейскими средствами, чтобы купить почтовые марки для своей вербовочной работы, он становился все более изможденным и истощенным.

В документах, касающихся этих различных военных обязанностей, упоминается его «честность, добросовестность, энергия и рвение», и подчеркивается, что он «очень глубоко предан и заинтересован в порученной ему работе. . . в высшей степени любитель работы.

Правительство Соединенных Штатов спрашивало к его услугам в качестве Военного Лектора, чтобы увеличить продажи Облигаций Свободы и ускорить производство. В этом качестве он путешествовал по южным штатам, говоря на пяти или более разных языках, в зависимости от национальности местных иностранных групп. «Как он говорит на таком понятном и наглядном английском языке, как он запоминает факты и цифры так точно, как он передает так много информации, которую обычно считают сухой в такой привлекательной манере и удерживает бездыханное внимание своей большой аудитории так долго, что трудно осмыслить.... Он труженик и, очевидно, готов идти темпом, который убьет обычного человека.... Его речь была прямой, убедительной и неотразимой. Используемый язык был самым разнообразным, и г-н Коржибски с самого начала и до конца держал свою аудиторию зачарованной и безраздельно внимательной. Редко я имел удовольствие слушать такое обращение или столь блестящий рассказ о великой войне. Его работа пойдет на пользу». Это цитаты из писем правительственным чиновникам о его чтении лекций. В течение части этого времени он также был Инспектором Труда на угольных шахтах, а позже было приказано правительством принять участие в Пан-Американском Конгрессе Труда в Ларедо, штат Техас.

Эти неспокойные годы усилили его желание понять, и с перемирием не было освобождения от неуклонно подталкивающего «почему». Время от времени какой-то трогательный опыт заставлял его осознавать проблему, например, когда он смотрел вниз с вершины небоскреба (Здание Вулворта) на бурлящий город Нью-Йорк, на панораму человеческих достижений, крошечных человеческих существ «ползающих» внизу и чувствовал необходимость снова спросить себя: «*Как* это могло быть сделано?» У него все еще не было ответа.

В Вашингтоне, округ Колумбия, вскоре после перемирия он встретил Миру Эджерли, американку, широко известную как художника-портретиста по слоновой кости. Рисуя на Британских островах и на европейском континенте, а также по всей стране, ее список напоминал международный социальный регистр. Из-за ее собственного интереса к людям и беспокойства о том, как они оказались «такими», она узнала в Коржибском те качества, которые искала в поисках мужа. «Я никогда не встречала никого с такой *способностью заботиться* о человечестве-в-целом, как некоторые мужчины способны ухаживать за одной женщиной», - сказала она позже. Они были женаты в январе 1919 года, и за ее «несравненно вдохновляющую помощь и ценную критику», «ее искреннюю и постоянную опору и за ее неустанную поддержку» он выразил благодарность в предисловиях своих книг, которые, как он сказал, иначе не были бы написаны.

«Что делает человеческих существ людьми?» Бесконечные вопросы продолжались. Со своей математической подготовкой он в конце концов понял, что его вопрос должен быть сведен к простейшим, наиболее всеобъемлющим, *функциональным* терминам. Принимая во внимание все живые организмы, он спросил себя: «Какова роль растений в этом мире? Что они *делают*?» Он обнаружил, что они химически синтезируют почву, воду и воздух с помощью солнечной энергии. «Какова роль собаки, лошади или обезьяны?» Их выживание зависит от перемещения в пространстве. «Мы не можем отрицать их общение. Мы также не можем отрицать их «интеллект» или «эмоции». Их преданность! Часто они вернее, послушнее многих людей. Как насчет людей? Чем они *отличаются*?» Вопрос был глубоко волнующим.

Однажды ночью он неожиданно сел на кровать со слезами, стекающими с подбородка, настолько взволнованный, что наконец решил свой вопрос во сне. «У людей есть способность передавать из поколения в поколение; одно поколение или один человек могут начать там, где остановилось другое», – сказал он своей жене. «Человек – не животное». У него тогда не было терминов, он должен был сначала проанализировать, что ДЕЛАЮТ разные классы жизни. Кратко, он сформулировал метки – «химически-связывание» для растений, «пространство-связывание» для животных и «время-связывание» для той характеристики, определяющей способность всей жизни, уникальной для человеческих существ. Этой простой функциональной формулировкой он наконец-то смог разграничить.

Чтобы получить свободу, он искал уединение на ферме своей невестки в Миссури вдали от прерываний в требовательной общественной жизни. Но когда он попытался сконцентрироваться на своей новой проблеме, он обнаружил, что не может, потому что другие чувства накапливаются в сознании. Память о притеснениях, которые были такой частью его юности и среды, все еще кипела в нем. Некоторым из его предков пришлось пройти длинный, очень холодный путь в Сибирь, и на Коржибье все еще символически стояла виселица. В течение десяти дней он должен был позволить своим сдерживаемым чувствам восстания взорваться и вылиться в поношении на бумагу. Только после того, как он «очистил» себя от этих чувств, он нашел возможность приступить к своей новой задаче, которая все же вовлекла старое в более широкой перспективе.

Его два передних пальца были перевязаны после того, как они воспалились и распухли при наборе текста, и на старой пишущей машинке с «бьющимся механизмом» он набрал первый черновик *Зрелости Человечества: науки и искусства человеческой инженерии*. В этой книге он изложил и разработал свое новое аналитическое функциональное определение «человека» как «время-связывающего класса жизни» – и подразумевания этого для человечества. Он дал эту грубую рукопись, написанную на новом для него языке, выдающемуся математическому философу, профессору Кассиусу Джексону Кейзеру, профессору математики Адрейна в Колумбийском Университете. Профессор Кейзер много лет работал над своей математической философией и планировал закончить ее в свой творческий отпуск. Когда он прочитал рукопись *Зрелости Человечества*, он обнаружил, что Коржибски создал формулировку, которая оказалась тем ядром, которое он сам искал, кружа вокруг все эти годы. Затем, вместо того, чтобы закончить свою собственную книгу в этом году, он потратил свое время, помогая редактировать рукопись Коржибски, и сделал это новое понятие о человеке и его потенциальных последствиях тезисом его обращения к Обществу Фи Бета Каппа в мае 1921 года.

Зрелость Человечества была опубликована в июне 1921 года, а первый тираж был распродан за шесть недель. «Лучшая книга века. . . самая полезная», – отметили некоторые рецензенты. «Эпохальная.... Математическая теория, которая может революционизировать мировое мышление во всех областях.... Более смелая теория, чем у Эйнштейна». Другими она была рассмотрена скептически: «Хорошо, но что из этого?» И все же, каковы бы ни были их взгляды, никто не мог не задуматься о мужестве этого единственного человека, который без посторонней помощи, без поддержки института путешествовал и читал лекции по своей новой теории или был поражен с неутомимой энергией и упорством, с которыми он настаивал в одиночку, требуя не менее чем пересмотра корней нашего мышления о себе.

Но - *как мы, люди, «связываем время»*? Каковы неврологические механизмы? Как они функционируют? У него было ощущение, что его формулировка была как-то очень важна; куда это приведет, он не знал. Он чувствовал, что должен исследовать это дальше. Это потребовало изучения математических основ, математики, физики, антропологии, биологии, коллоидной химии, неврологии и т. д. Его круг друзей стал шире, включая особенно некоторых ведущих ученых и математиков. Часть лета и осени 1921 года он был гостем биолога Уильяма Э. Риттера, который

сыграл важную роль в создании Института Биологических Исследований Скриппса в Ла Йолле, Калифорния.

Позже, однажды в Нью-Йорке Коржибски читал лекции в Новой Школе Социальных Исследований. Там, в сложных личных обстоятельствах, в его стремлении передать разницу между животными и людьми, внезапно вся его теория превратилась в визуальную форму, когда он быстро нарисовал на доске диаграмму «время-связывающего дифференциала» или «антропометра» (мера человека). Позднее это назвали «Структурным Дифференциалом», который стал настолько фундаментальным в его работе, как схематическое или смоделированное представление предпосылок его системы и функционирования нервной системы человека в отличие от животного. На протяжении всего своего последующего письма и чтения лекций он сильно зависел от использования диаграмм. Он был исключительно «визуально-мыслящим»; его собственное «мышление» было не-вербальным, в визуальной структурной форме.

В это время он находил отдых в использовании своих рук, и ему особенно нравилось использовать Пляжно-моторные электроинструменты, работающие с кожей, металлом и деревом. Он также разработал новые методы защиты и работы с большой слоновой костью для Миры Эджерли, которые она использовала для своей уникальной техники семейного группового портрета. Вместе они сделали брезентовые чехлы для своего багажа, усиленные кожей; и замысловатые крышки для Структурных Дифференциалов, используемые для путешествий. В Вашингтоне, округ Колумбия, они потратили много сотен часов на конструирование моделей из красного дерева для его Структурного Дифференциала.

Первой статьей Коржибского после публикации *Зрелости Человечества* была «Судьба и Свобода», опубликованная в *Учителе Математики* в мае 1923 года. Это стало результатом обращения к совместному заседанию Детройтских Клубов Математики и Истории Детройта, 11 января, 1923. Он также обратился перед Математическим Клубом Университета Иллинойса, 12 января, и в Университете Мичигана, 15 января. Здесь он подчеркнул свои тяжелые обязательства перед работой Альфреда Норта Уайтхеда, Бертрана Рассела, Анри Пуанкаре, Кассиуса Дж. Кейзера и Альберта Эйнштейна, и мы видим начало того, что позже переросло в его новый синтез, включив в него методологически все отрасли знания. «В этой статье, – писал он, – я предлагаю проанализировать принципы, на которых должны основываться основы Науки и Искусства Человеческой Инженерии, если мы хотим когда-либо иметь такую науку и искусство. . . . Оно должно быть математическим по духу и по методу, и если у нас нет методов для применения математического мышления к человеческим делам, такие методы должны быть открыты. Может ли это быть сделано? . . . Большая часть того, что я сказал, едва ли является всего лишь поверхностным наброском обширной, связной системы, в основном благодаря недавней работе нескольких математиков, упомянутых выше».

Другие великие люди от Аристотеля до Витгенштейна, которым он чувствовал себя наиболее обязанными в ходе своей работы, перечислены в его посвящении в *Науке и Здравомыслии*. Теперь показательно видеть маркировки, подчеркивающие и маргинальные комментарии в книгах его библиотеки, которые, кажется, оказали влияние на построение его системы, выбор из которых возглавляет каждую главу в *Науке и Здравомыслии*.

К 1924 году основные положения его второй книги уже были сформулированы в документе, который он представил на тему «Время-Связывание: Общая Теория» на Международном математическом конгрессе в Торонто, Канада.

Следующие два года он учился в больнице Св. Елизаветы в Вашингтоне, округ Колумбия, с разрешения и под руководством доктора Уильяма Алансона Уайта, с которым он поделился своими исследованиями математических методов применительно к психиатрии. Там у него была свобода читать истории болезни, смотреть и разговаривать с госпитализированными пациентами. Он

регулярно посещал собрания персонала в больнице и собрания психиатрических обществ в Вашингтоне, обсуждал документы с доктором Гарри Стэком Салливаном и другими и т. д. Две лекции, которые он прочитал в этот период, опубликованы во его второй статье, о время-связывании, которая была первой разработкой: 25 июня 1925 года перед Вашингтонским Обществом Нервных и Психических Заболеваний и 13 марта 1926 года перед Вашингтонским Психопатологическим Обществом. В краткой библиографии, приведенной для первой статьи, он сделал следующие классификации: Наука, Метод; Математика, Математическая Философия, Логика; Теории Относительности; Новая Физика; Психиатрия; Разнообразное; Человеческая Инженерия. «Материал, представленный здесь так грубо, – писал он, – разрабатывается в виде книги под названием *Время-Связывание: Общая Теория, Введение в Гуманологию*. Название этой следующей книги, как мы теперь знаем, был изменен на *Науку и Здравомыслие*.

Затем Коржибски отправился в Пасадену, штат Калифорния, где через год он написал рукопись своей второй книги. После этого в Бруклине, Нью-Йорк, был долгий и утомительный труд, где он разработал свою рукопись, усовершенствовал ее и уделил внимание всем деталям ее публикации. За это время, в 1929 году, он отправился в Варшаву, Польшу, где представил краткий обзор своих новых результатов, разработанных на тот момент, на Математическом Конгрессе Славянских Стран.

В декабре 1931 года он выступил перед Американским Математическим Обществом с докладом «Не-аристотелевская система и ее Необходимость для Строгости в Математике и Физике». Этот четкий реферат его системы был включен в приложение *Науки и Здравомыслия* в качестве Приложения III.

Однако большую часть времени с 1928 по 1933 гг. Он проводил за своим столом в большой, переполненной студийной комнате, которая была его домом в Бруклине, практически без посторонней помощи, за исключением его жены и одного секретаря на полставки. Там, на верхнем этаже, они изнемогали от жары летом и замерзали зимой. Его энергия истощалась годами ослепления, напряженного труда над рукописями, проверкой и перепроверкой доказательств, проверкой формул с бесконечным терпением и точностью, указанием мельчайших деталей размера и стиля шрифта, макета, переплета и т. д. Он добавил некоторые материалы к первоначальному проекту, такие как глава о Коллоидном Поведении, двойную пунктуацию, обозначающую «и т. д.», и такие термины, как «многопорядковость». Когда книга уже была напечатана, он решил назвать свою работу «общей семантикой», и этот, и связанные с ним термины, должны были быть вставлены повсюду. *Наука и Здравомыслие: Введение в Не-аристотелевские Системы и Общую Семантику* является словесным портретом его собственной борьбы, история развития его новой системы, его «спиральный» способ анализа, и серьезный читатель должен проработать его и прийти к пониманию того, что он пытался передать. После этих семи лет, измученных, изможденных и истощенных с истощенными финансами, в октябре 1933 года Коржибски и Мира Эджерли наконец увидели книгу в прессе.

«Если это так важно, как вы говорите, докажите это. Работает ли это на самом деле?» Это был неизбежный вызов. Ибо, построив эту весомую, всеобъемлющую, беспрецедентную не-аристотелевскую систему, необъятность которой поражала даже его, и взаимосвязанность которой вызывала у него удивление и сомнение (он видел, как легко строить словесные структуры, не связанные с фактами жизни), проверив обоснованность своей теории с ведущими специалистами во многих различных областях, осталось показать, что можно сделать. На этом его обоснованность как методологии. Он отверг метафизические предположения, какими бы мудрыми они ни были, как неосуществимые, и он объявил, что физико-математические методы могут применяться с пользой для жизни человека. Повлияло ли применение его новой методологии на оценки и поведение людей? Эмпирические данные были единственным тестом. Это была следующая задача, с которой пришлось столкнуться.

Все еще не имея институциональной поддержки, он снова отправился один читать лекции по своей работе, которая теперь называется «общая семантика», и в то же время обучать нескольких серьезных студентов в течение более длительных периодов. В марте 1935 года, всего через семнадцать месяцев после публикации *Науки и Здравомыслия*, был проведен Первый Американский Конгресс по Общей Семантике в Центральном Вашингтонском Педагогическом Колледже, Элленсбург, штат Вашингтон. Он проводил лекции и семинары в Школе Барстоу, Канзас-Сити; в Беркли, Лос-Анджелес, Северо-западный университет, Эванстон, Иллинойс; Оливет Колледж, штат Мичиган; Гарвардский Университет, Государственная Больница Мальборо, Нью-Джерси и т. д. и продолжал писать научные труды.

В июне 1938 года в Чикаго была достигнута долгожданная цель: благодаря усилиям некоторых его учеников, в частности доктора Дугласа Гордона Кэмпбелла, и благодаря двухлетнему гранту г-на Корнелиуса Крейна, был создан институт как центр обучения и выполнения его работы, с Коржибским в качестве его директора. Он назывался Институт Общей Семантики, для Лингвистических Эпистемологических Научных Исследований и Образования. Длинный список выдающихся ученых и других, кто знал его или его работу в течение многих лет, воодушевил его, стать Почетным Попечителем Института – доктор Авраам Брилл, Дэвид Фэйрчайлд, доктор Кларенс Фаррар, Эрнест Хутон, доктор Смит Эли Джеллифф, Эдвард Каснер, Кассиус Дж. Кейзер, доктор Нолан, Льюис, Бронислав Малиновский, доктор Адольф Мейер, доктор Винфред Оверхолзер, Роско Паунд и многие другие.

Последующие годы были посвящены его Институту, его ученикам, его дальнейшему написанию и т. д., и за это время (в 1940 г.) он стал натурализованным гражданином Соединенных Штатов. Работа была постоянной – дни, вечера, воскресенья и праздничные дни были заполнены лекциями, собеседованиями, написанием статей, письмами с личными советами студентам, долгой теоретической перепиской с учеными, посещением офисных распорядков, даже надзором за самыми мелкими деталями ухода за большим зданием, по адресу 1234 Ист 56-я Стрит. Был только случайный отдых – простые удовольствия со студентами, прослушивание фонографических записей, чтение детективных историй (Джо Арчибальд был одним из фаворитов, над которым он посмеивался). Он часто работал в ранние утренние часы и неохотно отдыхал днем, когда слишком устал, чтобы продолжать. Он не обращал внимания на время на часах. Было только непрекращающееся стремление закончить сочинение (трудный процесс, состоящий из множества черновиков и продолжительного «очищения», как он это называл, но творческая работа, которую он так жаждал); было много интенсивных семинаров для 30-50 учеников, на которых он час за часом излагал свои силы, как будто каждому человеку было чрезвычайно важно понять, почувствовать вес мировых проблем, человеческие значения, с которыми он имел дело; бесконечно было видно, что кому-то из студентов пытается помочь (хочет он или она этого или нет). И все это время он волновался, что неуверенные финансы не позволят Институту продолжить работу.

К августу 1941 года, когда в Университете Денвера был проведен Второй американский конгресс по общей семантике, уже были приложения во многих областях, и его работа преподавалась в школах и колледжах, таких как Университет Айовы, Университет Денвера. Северо-Западный университет и др.

В 1942 году группа студентов Коржибского в Чикаго организовала общество, которое теперь называется Международным Обществом Общей Семантики, с целью сделать его работу более широко известной, а также, первоначально, для оказания финансовой поддержки Институту.

Ничто не доставляло Коржибскому большего удовольствия, чем осознание того, что его работа помогала другим, каким бы то ни было образом, найти применение с пользой в профессиональных или других целях – в сфере образования, юриспруденции, медицины,

психиатрии, промышленности, журналистике, правительстве и военных проблемах и т. д. – и следить за развитием зрелости у своих учеников. Он был убежден, что «человек предшествует своей работе», и поэтому изучение общей семантики, естественно, начинается с включения ее методов в собственные процессы оценки индивида.

Иногда в своих отношениях с людьми, в том числе со студентами, у него не было «никакого такта – только контакт», и это с силой, которая могла повредить или оттолкнуть.

В своей личной работе со студентами, если он часто не щадил их чувств, беспощадно демонстрируя свое «худшее», держась за них «зеркалом» себя с бескомпромиссной шокирующей ясностью, он также не жалел усилий, чтобы помочь им достичь их «лучшего». Многие были ему преданы, так же как и им, были ли их контакты долгими или короткими. Некоторые, для которых эти методы были слишком беспокоящими и трудными, стали антагонистичными; некоторые, преодолевая свои военные действия, спустя годы осознали влияние того, что он пытался передать.

Во время Второй Войны становилось все труднее находить себе помощь, чтобы нести службу для растущей работы Института, поскольку переписка и сложности увеличивались, и многие, кто начал профессионально применять его работу, служили в вооруженных силах. Он принимал участие в войне, частично благодаря большой переписке со студентами, некоторые из которых несли *Науку и Здравомыслие* над «Горбом», в тихоокеанских джунглях и т. д. Он внимательно следил за новостями, «переживал» трагедии, пока они разворачивались, с их подразумеваниями. Он неоднократно призывал к созданию в правительстве научных координационных советов для консультаций по проблемам человеческого поведения, чтобы «посоветовать, как сохранить и предотвратить злоупотребление нервной системой человека».

В августе 1946 года, когда Коржибскому было 67 лет, во время острой нехватки жилья в Чикаго здание, арендованное Институтом, было продано, и ему пришлось переехать. Новые штаб-квартиры были созданы в Лейквилле, штат Коннектикут. В этом месте он продолжал широко читать, писать и проводить семинары. Здесь также мисс М. Кендиг, директор по образованию и редактор Института с 1938 года и заместитель директора с 1942 года, продолжала организовывать курсы и другие мероприятия.

Но если к настоящему времени растущее признание его работы привело к некоторому ослаблению его потребности бороться, чтобы продемонстрировать ее значение для других, некоторые трудности становились больше, чем когда-либо. Наряду со сложностями перемещения и расселения в этой новой обстановке сельской местности Коннектикута он погрузился в глубокое отчаяние из-за растущего финансового кризиса Института, поскольку его продолжающееся существование висело на волоске. Более того, были и другие проблемы: ему приходилось протестовать против ряда неправильных представлений или искажений его работы его учениками, и это было очень трудно для него – самая, изнурительная забота – потому, что это включало конфликты внутри него между его чувствами как учителя, друга и его «научной социальной совестью».

Благодаря добровольным взносам членов Института, обучению на семинарах и увеличению продаж книг и других публикаций по общей семантике Институт смог продолжить работу.

К настоящему времени формулировки Коржибского начали в какой-то мере проникать во многие области, благодаря индивидуальным заявкам и письмам, учебным группам, преподаванию и т. д., и *Наука и Здравомыслие* пользовались все большим спросом. Если он был «в значительной степени ответственен за большую часть развития [прикладной] антропологии», как сказал один антрополог в 1942 году, или если его методы, как говорят некоторые, были «подпорчены» в колледжах и университетах и т. д., более глубокое значение его работы было мало чувствовано вообще. Возможно, это было отчасти из-за того, что он не подчеркивал общую теорию, из которой

она изначально выросла, преемственность в ее развитии и ее взаимосвязи, а также отчасти из-за слишком легкого принятия многими только словесных формулировок и фрагментарных проблесков, оцениваемых как целое и т. д.

Обращаясь еще раз к своей первой книге *Зрелость Человечества*, готовящейся к публикации второго издания, рецензирующему и обобщающему его жизненную работу, важность его нового определения человека как основы его работы стала возрастать в его осознании как никогда. Он не подчеркивал это много лет. «В 1921 году мир не был готов к этому», – сказал он. «Он более готов сейчас. В каком-то смысле мне пришлось повзрослеть».

Коржибский постоянно учился у своих учеников, и его уверенность в работоспособности его методов укрепилась. «Я такой же идиот, как и все вы, это метод, который работает для меня и для вас», – говорил он. В своих работах и беседах он продолжал развивать творческие разветвления, но все же кружил ближе к ядру.

На несколько лет его новое знакомство со вторым изданием его первой книги было отложено из-за давления других работ. В течение этого периода прерывистого письма это оставалось постоянным центром внимания для него. Он анализировал губительные для человечества последствия диктатур в целом, оценки народов С.С.С.Р. и их лидеров в исторической перспективе, их социокультурную среду, некоторые более глубокие аспекты символики и т. д. в связи с теорией время-связывания. Там он также подчеркнул силу теории, показанной на протяжении всей истории – в области науки, политологии, религии и т.д. – и *потенциальную* объединяющую, непосредственную силу такой всеобъемлющей теории, как Общая Теория Время-Связывания. Он обнаружил, что каждая проблема может и должна быть сведена в конечном итоге к общему корню недоразумений. Спустя 25 лет он снова почувствовал себя убежденным, теперь уже с уверенностью в зрелости, что «сначала мы должны иметь новое представление о человечестве».

Он также чувствовал, как никогда острую потребность в «тишине», тихом наблюдении с широко раскрытыми глазами, с которого он начал свою жизнь, как позиции, необходимой для творческой жизни. В 1948 году он написал: «Существует огромная разница в «мышлении» в словесных терминах и «созерцании», внутренне безмолвным, на не-вербальных уровнях, а затем в поиске правильной структуры языка, соответствующей предполагаемой обнаруженной структуре тихих процессов, которые пытается найти современная наука».[1] В своей последней статье он анализировал это мироощущение более подробно.[2]

Это подчеркивание «внутренне безмолвного созерцания», казалось, проистекало из его собственного стремления к тесной связи на более глубоких уровнях с окружающей средой, живой или неживой. Независимо от того, за чем или кем он наблюдал, он «делал незначительное значимым», и его комментарии были пронизаны теплотой жизненных значений. Он открыл двери жизни и свободно передвигался, чутко реагируя на окружающие нюансы – ощущение прекрасного дерева или точного режущего стального инструмента, выражение глаз или изгиб улыбки, стиль написания человека, мироощущение, стоящее за словами и т. д.

В последующие годы он стал более мягким, и теперь он был замедлен тяжелой усталостью от постоянной новаторской борьбы и самоотдачи. С травмами, которые он получил во время Войны, становилось все труднее справляться. Он никогда не терял своего содержательного нетрадиционного юмора, своего страстного интереса к жизни и желания – необходимости –

---

[1] «Во что я верю», в *Зрелости Человечества*, 2-е изд., 1950. Международная Не-аристотелевская Библиотечная Издательская Компания. Институт общей семантики, дистрибьюторы

[2] «Роль Языка в Процессах Восприятия». Симпозиум по Клинической Психологии о *Восприятии*: *подходу к личности*. Рональд Пресс, Нью-Йорк, 1951.

делиться этим с другими. Он никогда не переставал заботиться, и поэтому он не мог избавить себя от страданий, которые он испытывал, сталкиваясь с повседневными жизненными трагедиями, малого или большого масштаба – бедой некоторых студентов или какой-то катастрофой исторического значения. Действительно, можно сказать, что 1 марта 1950 года его внезапная смерть произошла в обстоятельствах, характерных для его жизни. Но теперь его организм больше не мог справляться со стрессом, вызывающим его беспокойство, и коронарный тромбоз оказался смертельным.

Часто Коржибский упоминал о своем желании сделать его тело доступным для научных исследований. Это было сделано, и, возможно, было бы интересно процитировать здесь предварительный отчет доктора Нолана Д. К. Льюиса, директора психиатрического института и больницы штата Нью-Йорк. Дружба между доктором Льюисом и Коржибски началась в те дни, когда они оба проводили исследования в больнице Св. Елизаветы. В то время Коржибски наблюдал, как доктор Льюис проводил много вскрытий, и, планируя свое собственное, попросил доктора Льюиса сделать вскрытие и сообщить о своем анализе. «Мозг был необычайно хорошо сохранен», – обнаружил доктор Льюис. «Он показал некоторое нормальное сжатие из-за возраста человека, но у него было очень богатое кровоснабжение, которое является значительным, и сложное сверточное устройство, которое будет очень важно для детального изучения, так как это мозг большого ученого.»

Что касается его работы, то Коржибский писал в своей последней статье, в процессе ее завершения в момент его смерти: «До сих пор есть много признаков того, что использование экстенсиональных устройств и даже частичная «осознанность абстрагирования» имеют потенциальные возможности для нашего общего стремления человека понять себя и других. Степень пересмотра, требуемая, как ранее заявлено, все еще не реализована в общем. Наши старые привычки оценивать, укоренившиеся веками, если не тысячелетиями, должны быть сначала переоценены и обновлены в соответствии с современными знаниями».[3]

Хотя у него была эта большая перспектива, он остро осознавал ограничения своей работы, себя как личности и всех людей. Его теория время-связывания заложила всеобъемлющую *основу* для изучения и понимания *возможностей* человека. «Одна из ключевых проблем моей жизнедеятельности заключается в том, что она ограничена,» – сказал он. «С помощью экстенсиональных устройств вы *ограничиваете*, казалось бы, *не*ограниченное».

С чувством, что его формулировки и методологический синтез были лишь частью длительных процессов открытия естественных законов этой вселенной, он был безмятежен – загадки жизни еще предстоит разгадать. «Что касается пространственно-временной проблемы “начала и конца света”, я эффективно “решил” ее для себя благодаря убеждению, что мы еще недостаточно развиты и не настолько зрелы как люди чтобы быть способными понять такие проблемы *на данный момент*. Однако в научной практике я продолжал бы в поисках структуры спрашивать “почему” в сознательно *ограниченных* условиях», – писал он в своем «кредо».[4]

---

[3] «Роль языка в процессах восприятия». *Op. cit*

[4] «Во что я верю». *Op. Cit*

ПРИМЕЧАНИЕ. Записи о жизни Коржибского до его приезда в эту страну в 1915 году на данный момент мне недоступны. Он не писал дневников и позже вел другие записи только в отношении своей работы. Приведенные здесь данные получены из биографической информации, которую Коржибский имел в разное время о своих учениках, из нескольких военных документов, от его жены Миры Эджерли Коржибской, и из моих собственных наблюдений со времени моего первого семинара в 1936 году и работы с ним в Институте. с 1939 г. – Ш.Ш.

Он глубоко уважал методы математики и точных наук как выражения человеческого поведения в нашем общем поиске структуры неизвестного. У него было сильное социальное чувство ответственности в личном и историческом смысле.

Возможно, можно сказать, что Альфред Коржибски был очень «Польским»: он был идеалистом, но практичным, независимым и стойким. Он был неприхотливым, привлекательным, земным, жизненным, неотразимым, движимым глубоким желанием чувствовать, знать жизнь, и вокруг него было пронизывающее тепло. Сам он не чувствовал себя «поляком», «европейцем» или «американцем»; скорее, у него было чувство принадлежности к миру-во-времени. В течение долгого времени, связанного с человеческой жизнью, он объединил прошлое, настоящее и будущее в новую форму.

Шарлотта Шухардт

Лейквилл, Коннектикут

14 июля 1950 г.